

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

Е.Г. Аванесова

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА

Рассматривается характерное для русской религиозной философии понимание природы нации и национализма.

Ключевые слова: нация; национализм.

История XX столетия даёт богатый фактический материал для исследователей национализма, т.к. именно в это время он ярко проявился во всех формах, начиная от умеренных и кончая радикальными. С наступлением нового века проблема национализма не только не идёт на убыль, но ещё более обостряется. Существует множество мнений по вопросу о причинах «живучести» национализма, которые могут быть сведены к двум основным:

– само наличие отличных друг от друга по культуре наций есть достаточное условие для существования национализма; значит, национализм будет актуален до тех пор, пока будут существовать нации;

– основания национализма следует искать не в историческом бытии наций, а в сложившихся в определённый исторический период и сохраняющихся политических, экономических и культурных условиях; только радикальная трансформация данных условий приведёт к исчезновению национализма.

Представители и той и другой точек зрения едины в том, что национализм ещё долго будет неперенной составляющей в общественной жизни мирового сообщества [1. С. 25–27; 2. С. 251; 3. С. 115]. Осознание данного факта заставляет исследователей более основательно подходить к изучению национализма. В российском обществоведении в последние годы наметился позитивный сдвиг в исследовании указанного феномена – национализм наконец-то стал восприниматься не как оценочная категория, а как предмет анализа. Правда, указанные исследования основываются, как правило, на западной фактологической и методологической базе, апеллируют к иностранному опыту теоретического осмысления названного феномена. Однако у нас есть своя богатая традиция изучения национализма. К сожалению, она почти забыта в настоящее время. Речь идёт о традиции русской религиозной философии, в рамках которой наметился специфический подход к изучению национализма, а именно – *религиозный подход*. Представляется, что исследование *религиозных* оснований и аспектов нации и национализма есть необходимый компонент изучения феномена национализма во всей его полноте.

В современной обществоведческой науке не существует единого общепризнанного определения нации. Американский исследователь К. Калхун, анализируя работы многих авторов (А. Smith, W. Connor, J. Hall и др.), приходит к выводу, что «ни одно определение нации (или связанных с ней терминов, таких как “национализм” или “национальность”) так и не получило общего признания» [1. С. 32]. Между тем все дефиниции можно объединить в два основных блока:

– нация есть этническое сообщество;

– нация есть политическое сообщество.

Понимание нации, выработанное русской религиозной философией, не может быть однозначно сведено ни к одному из названных выше вариантов; хотя несомненным является тяготение к примордиалистскому определению нации. Нация существует независимо от нашего сознания; «она существует и до него, и помимо него, и даже вопреки ему» [4. С. 438]. Более того, национальности нельзя выдумать или создать при помощи идеологии, т.к. национальность существует раньше неё как её основа [4. С. 440]. Бытие нации первично, осознание же её наличия и реального существования – вторично. По заявлению Н. Бердяева, «нации – исторические образования, но заложены они уже в глубине природы, в глубине бытия» [5. С. 554]. Таким образом, изначальное бытие нации никак не связывается с наличием государства. Нация – догосударственное образование, она первична по отношению к государству. Не всегда, но часто нация «родит государство как необходимую для себя оболочку» [4. С. 446].

Однако нация – не просто этническое сообщество, она «есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса» [5. С. 554]. С точки зрения представителей указанной традиции, найти национальную «самость» (и тем самым разрешить загадку нации) невозможно в отрыве от её религиозных корней. По верному замечанию С. Булгакова, «научное изучение разных проявлений национальности», с одной стороны, чрезвычайно важно, а с другой – имеет естественные ограничения. Наука («если только она критична, т.е. находится в сознании своей действительной компетенции» [4. С. 435]) лишь подводит к вопросам о природе, ценностях и идее нации, но не решает их.

Не существует какого-либо одного достаточного признака (и даже их совокупности), который позволял бы выявить искомое «национальное». Бытие нации «не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия» [5. С. 552]. Таким образом, «национальный дух не исчерпывается никакими своими обнаружениями, не сливается с ними, не окостеневает в них. Ни к одному из них, как бы ни было оно ценно, нельзя окончательно приурочить национальный дух, начало живое и творческое» [4. С. 441]. По мнению Н. Бердяева, «наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической

судьбы» [5. С. 552]. Но само единство исторической судьбы и есть «иррациональная тайна» [5. С. 552].

Н. Бердяев говорит о том, что «бытие всякой нации имеет религиозную основу» [5. С. 564]. Религиозность нации заключается в её стремлении к *жизни*, «к победе над смертью» [5. С. 554]. Одержать победу над смертью нация может только в том случае, если она не допускает исключительного торжества будущего над прошлым. Неразрывная связь с предками помогает нации победить время. Именно поэтому идеология и практика, целью которых является уничтожение памяти о прошлом, глубоко антинациональны. Итак, бытие нации не исчерпывается исключительно религией, но отрыв национального сознания от религиозных корней делает его поверхностным и противоречивым [5. С. 554–555].

Деление человеческого сообщества на «языки» и народы не есть изначально установленный Богом порядок устройства человеческого бытия. «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт 11:1). На данном им языке люди могли прославлять Бога, но они решили завоевать славу *себе*, построив огромную башню до небес. «Вместо Бога они стремились “вознести на небеса” нечто, созданное ими самими» [6. С. 118]. Господь смешал языки человеческие так, «чтобы один не понимал речи другого» (Быт. 11:7). И «пути народов разошлись, единый язык исчез» [6. С. 120]. Смешение языков и возникновение разных народов есть ответ Бога на богопротивные действия человека. Народные сообщества не имеют *вечной* онтологической укоренённости, но их существование есть итог реализации воли Бога. Онтология народов, таким образом, хотя и есть следствие греховных желаний человека, но всё же исходит от Бога.

Нация имеет онтологическую основу, а значит, и ценную цель [7. С. 350–351]. У каждой нации есть своё божественное задание и своя специфическая роль в историческом процессе. Осознание особой ценности *моей* нации даёт мне уверенность в том, что есть смысл её хранить и за неё бороться. Эта сама по себе здоровая мысль может стать опасной, если я верю, что национальное единение есть высшая форма человеческого единения. «Национальное чувство поэтому нужно всегда держать в узде, подвергать аскетическому регулированию и никогда не отдаваться ему безраздельно» [4. С. 445]. *Абсолютизация* национального есть необходимое и достаточное условие для возникновения национализма.

Рассматриваемая нами традиция не даёт однозначного определения национализма, т.к. признаёт, что национализм может быть разным. Н. Бердяев, например, называет два типа национализма: стихийный и творческий. Первый – не допускает никакой самокритики, проповедует замкнутость, исключительность, вражду к другим национальностям. Такой национализм есть болезнь национальности [8. С. 344]. Второй – требует самокритики (цель которой не поливание себя грязью, но саморазвитие и самосовершенствование) и уважительного отношения к другим национальностям.

И. Ильин делит национализм на здоровый и больной (извращённый). По его мнению, извращённые формы могут быть сведены к двум главным типам: «в первом случае национальное чувство *прикрепляется к неглавному* в жизни и культуре своего народа; во втором случае оно *превращает утверждение своей куль-*

туры в отрицание чужой» [9. С. 268]. Здоровое национальное чувство, воспринимая жизнь своего народа как «драгоценную духовную самосиянность», не испытывает при этом отвращения и презрения ко всему иному [9. С. 269; 10. С. 266].

О подлинном и ложном национализме упоминает и В. Соловьёв. Если народность становится «безусловною и окончательною целью, высшим благом и мерилом добра для человеческой деятельности», то *такой* национализм есть проявление эгоизма нации. Что может явиться тем нравственным ориентиром, который поможет национальному сознанию освободиться от болезни национальной исключительности? По мнению В. Соловьёва, нравственные ориентиры национальному бытию задаёт христианство. Если высший нравственный идеал христианства требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, а люди не существуют вне национальности, то «прямой логический вывод отсюда есть тот, что *мы должны любить все народности, как свою собственную*» [11. С. 378].

Таким образом, для русской религиозной философии характерна попытка деления национализма на подлинный («здоровый») и ложный («извращённый»), что отличает эту традицию и от советского обществоведения, и от современного западного обществоведения, где почти не делались попытки разделить национализм на «ложный» и «подлинный». Иногда западные социологи и социальные антропологи делят национализм на «хороший» (патриотизм, гражданский национализм) и «плохой» (шовинизм, этнический национализм), представляя их разными социальными явлениями [1. С. 28]. Но «плохой» в данном случае не есть «ложный», а «хороший» не есть «подлинный». Речь идёт о двух типах национализма, преследующих разные цели. И главная задача исследователя состоит в изучении природы *национализма как такового*.

С. Булгаков говорит о том, что *здоровое* национальное чувство формируется на основе здоровых же посылок: «не желай зла и не ищи уничтожения и насильственного растворения (ассимиляции) других народов, но признавай их право на существование, как и своё собственное, живи и жить давай другим, в свободном соревновании сопрягая свои усилия» [12. С. 649]. Другое дело, что здоровый национализм скорее исключение, чем правило, т.к. национализм «гораздо более связан с ненавистью к чужому, чем с любовью к своему» [8. С. 345]. По словам И. Ильина, «ненависть и презрение совсем не составляют существа национализма» [13. С. 268], но извратить можно всё.

Актуализация крайних форм национализма не есть логическое следствие деления человечества на национальности. Национальная множественность – не помеха всечеловеческому единству. Если национальность – часть, а человечество – целое, то «недопустимо было бы принципиально противопоставлять часть целому или орган организму и мыслить совершенство целого организма как исчезновение и преодоление множественности его частей и органов» [7. С. 350]. Гипотетическое братство народов было бы «не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей» [7. С. 350–351]. Борьба нации за своё бытие не является с необходимостью борьбой против чужого национального бытия. Чем в таком случае можно объяснить доминирование в

человеческом обществе «ложного» национализма, подчас принимающего формы фашизма? По мнению Н. Бердяева, агрессивный национализм есть результат *дехристианизации* общества, которая, в свою очередь, есть показатель того, что христианизация общества была не так глубока, как могло казаться [14. С. 3].

Именно христианство утвердило положительную ценность *человечества* как категории духовной. Абстрактного человечества не существует. Вот почему интернационализм, отрицающий национальности, есть абстрактное единство, а универсализм, «утверждающий духовное единство человечества, есть положительное конкретное единство» [14. С. 4].

При ослаблении веры Бог подменился нацией [14. С. 9]. Национализм есть возврат к язычеству, многобожию, вследствие чего он не знает человечества как духовного единства. И его восстание против абстрактного человечества представляется вполне логичным. Нация является высшим приоритетом и высшей ценностью, т.к. *выше ничего нет*.

Христианство утверждает положительную ценность не только человечества, но и национальности. Национальность есть природная данность, а задача христианства не бороться с природой, но преображать её. Христианство обращается ко всем народам, оно свободно от национальной ограниченности. Однако будучи сверхнародным по своему содержанию, оно не безнародно по способу усвоения [4. С. 452]. Религия обращается к конкретному, живому человеку, который не может быть вне национальности, но в то же время зовёт к единству, которое выше национального. Это единство в Боге. Между тем духовное единство не отменяет национальности. «Вселенская проповедь Евангелия не делает человека абстрактным, обезличенным существом; душа каждого по-своему вибрирует в ответ на зов Воскресшего» [4. С. 452].

С одной стороны, признание того факта, что существование множества языков и народов основано на Божественном волеизъявлении, позволяет нам сделать вывод о ценности каждого народа перед Богом. С другой стороны, Своей Кровью Христос «искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени» (Откр 5: 9). Все верующие во Христа стали единым народом Божиим, независимо от их этнической и племенной принадлежности. Церковь соединяет в себе два начала: вселенское и национальное. И. Ильин верно заметил: «*Церковь*, как единение едино-верующих, *сверхнациональна*, ибо объемлет и единоверующих другой нации; но в пределах единой

нации “поместная” церковная организация получает неизбежно национальные черты» [9. С. 272].

Национализм (и стихийный, и творческий) религиозен по своей природе. Всё дело в «качестве» этой религиозности. Язычество, с его абсолютизацией государства и нации, порождает стихийный национализм. Зов крови объединяет людей в их борьбе за своё место под солнцем. Христианство, с его обращением к каждому человеку (независимо от расы, национальности и племени), актуализирует творческий национализм. Зов Бога объединяет людей в их стремлении преодолеть неправду и несправедливость национальной исключительности.

Для рассматриваемой традиции нехарактерно отрицание национализма в его здоровых формах и проявлениях. И. Ильин *приветствовал* возрождение русского национализма [10. С. 263] и считал важным, чтобы русские люди не связывали себя никакими интернационалистическими «симпатиями» или «обязательствами» [10. С. 263]. Каждый народ славит Бога по-своему. И сама мысль «погасить это многообразие хвалений» [10. С. 264] представляется И. Ильину безбожной затеей, которую могла родить только мёртвая, больная душа. Идея *поднять все народы под один народ или растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения – нерусского и нехристианского происхождения* [10. С. 264–265]. Можно утверждать, что поиск положительных начал национализма, характерный для русской религиозной философии, является неотъемлемой и специфической чертой данной традиции.

Русскими религиозными философами заложена традиция комплексного рассмотрения национализма, которая была практически полностью утрачена в советское время. Советские учёные в большинстве своём вообще не занимались изучением природы национализма. Национализм представлялся сугубо отрицательным явлением. В стране, где официально объявили о том, что национального вопроса не существует (и это в полиэтническом государстве!), т.к. он решён, не могло быть и речи о серьёзном изучении национализма. В результате было упущено время, и с 90-х гг. XX в. российская наука пытается преодолеть тот разрыв, который возник между Западом и Россией в деле изучения нации и национализма. Обращение к традиции осмысления национализма в русской религиозной философии способно обогатить современное отечественное обществоведение и тем самым внести гораздо более весомый вклад в мировой опыт изучения и познания природы национализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
3. Хатчинсон Дж., Смит Э. Национализм // Контексты современности – II: Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 110–115.
4. Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 435–457.
5. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 477–726.
6. Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Книга Бытия. М.: Теревинф, 1994. Т. 1. 288 с.
7. Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. С. 265–476.
8. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 287–356.
9. Ильин И.А. Опасности и задания русского национализма // Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. Джорданвилл, 1991. С. 268–274.
10. Ильин И.А. О русском национализме // Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. Джорданвилл, 1991. С. 263–267.
11. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47–548.
12. Булгаков С.Н. Нация и человечество // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 644–653.
13. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 283–330.
14. Бердяев Н.А. Многобожие и национализм // Путь. 1934. № 43. С. 3–16.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 30 апреля 2009 г.